

Заключительная дискуссия

Мельников А.Н. – Мы благодарим г-жу Хедборг за содержательное выступление. Уважаемые коллеги! Вчера мы очень плотно работали, и поэтому за докладами у нас почти не оставалось времени для обсуждения. Сегодня мы так ведем свою работу, что у нас есть полтора часа для обсуждения. Мы можем обсуждать доклады, которые прозвучали сегодня и вчера. Мы переходим к обсуждению.

Краснов М.А. – Я прошу прощения, что выступаю второй раз, но меня оправдывает то, что я хотел бы не обсуждать, а дать вам маленькую политическую справку по поводу сегодняшней дискуссии. Справку о том, откуда растут многие сегодняшние ноги. Они растут, как ни странно, из программы Грефа. Но что такое программа Грефа? Вчера об этом говорил Владимир Мау. Программа Грефа – это набор нескольких документов. В этой программе есть документ, который посвящен реформе власти. Поскольку я имел к нему отношение, я могу говорить. С ним поступили очень странно – он не обнародован. Его, на мой взгляд, и не будут обнародовать. Очень похожие вещи есть в этом документе. Мы с Владимиром Александровичем Мау год назад участвовали в одной телепередаче – как раз стали образовываться округа, и он мне говорит: «Твоя работа?» Я отвечаю: «Похоже, но это не моя работа». Там есть положения и по судебной, и по административной, и по федеративной реформе, все эти сюжеты присутствуют, но, поскольку этот документ существует в администрации президента и интерпретируется уже не политиками, а чиновниками, чиновники берут те идеи, которые существуют в этом документе, и интерпретируют по-своему.

В частности, те же округа. В этом документе не было семи федеральных округов, там не было полномочных представителей, там был предусмотрен окружной принцип размещения федеральных органов, не более того. То же самое по судебной реформе. Там говорится о доступности власти, о независимости судебной власти, об апелляционных инстанциях, о принципе диспозитивности и т.д.

То же самое по партиям. Да, там говорится (это было год назад) о том, что нужен закон о партиях, что нынешняя многопартийность приобрела некий карикатурный образ, что нужны крупные и ответственные партии, но там есть раздел – первый раздел – который вообще практически никак властью не принимается к действию. От этого раздела зависит реализация всех остальных. Этот раздел называется «Власть и общество». В этом разделе говорится и о том принципе, о котором говорил Владимир Александрович Рыжков, что бессмысленно положение партий только как участни-

ков думских выборов. Нормальная партия, если она победила на парламентских выборах, обязательно должна обладать правом мандата на управление, то есть формирование правительства. Без этого они лишаются смысла. Там говорится об одной очень важной вещи – о ценностной определенности. Поскольку ее нет, возникает порой уродливая реализация тех идей, которые заложены в этой программе, кондовая бюрократическая реализация этих идей. Когда нет ценностной определенности, то и партии никак не могут оппозиционировать в этой политической среде. Отсюда происходят очень странные вещи, например, в СПС, когда некоторые члены СПС говорят о том, чтобы мы ввели смертную казнь, устроили жесткую централизацию. Казалось бы, правая партия, а в ней существуют и такие мнения. У нас совершенно болотистая политическая среда, и пока мы не встанем на очень твердую почву, не будет ни нормального партийного строительства, ни нормальной реализации идей, о которых я вам говорил. А для этого нужна, прежде всего, президенту ценностная определенность (чего мы ждем, и никак не можем дожидаться).

Проходили слухи, и вы об этом наверняка знаете, об изменении структуры правительства. Это все написано в программе. Правда, до этого, еще во времена Бориса Николаевича, мы писали концепцию административной реформы и многие вещи, если не все, взяты оттуда. О том, что министерства не должны внутри себя иметь конфликт интересов, что не должно быть кустовых вице-премьеров, которые сейчас больше похожи на отраслевые отделы и цеха, что министры ходят безответственными, если над ними стоит вице-премьер, говорилось уже давно. Я хочу повторить то, о чем говорил еще в 1904 г. князь Трубецкой. Он называл атмосферу, существовавшую в России, «атмосферой ноющей бессмыслицы». Вот в этой атмосфере мы не решим никаких задач модернизации. Это надо понимать, и надо понимать, откуда берутся многие новации сегодня.

Щеглов С.Г. – Уважаемые коллеги! Прежде всего, я хотел бы поблагодарить организаторов за ту возможность пообщаться, посмотреть на разные точки зрения, которую они нам предоставили. Прежде всего, хотелось бы поблагодарить Владимира Александровича за то, что он пригласил столь уважаемых и авторитетных гостей. Такое общение весьма приятно для нас.

По сути, я хотел бы предложить посмотреть на обсуждаемый сегодня вопрос через призму исторических традиций России. Мы называем советское общество и командно-административной системой, и тоталитарным обществом и т.д. Но насколько мы сегодня освободились от тех традиций, от того, что было заложено в те, предыдущие, годы? Если смотреть с этой точки зрения и на партийную систему, и на развитие нашего общества в

целом, то ситуация, которая сложилась в партийном строительстве, на мой взгляд, вполне закономерна. Давайте вспомним, как в последние годы мы относились к партии, конкретно – КПСС. Последний всплеск в годы перестройки подтянул много интересных, свежих сил, но, в конце концов, это все рухнуло. Если до того все, что творилось в государстве, связывалось с именем партии, то в конечном итоге это получило отрицательный качественный скачок. Я думаю, что за эти 10 последних лет мы не смогли преодолеть негативное отношение не просто к КПСС, а к партии. Отсюда и отношение ко всему тому, что мы имеем. Понятно, что традиции командно-административной, или тоталитарной, системы – скажем, тот дух милитаризма, решения сверху – проявились и сегодня в нашем законодательстве и, в частности, законе о партиях. Ведь партии сегодня оказались на обочине жизни нашего общества. Те функции, которые существуют, и я не думаю, что партийные функционеры о них не знают, не работают. Они не востребованы, вот в чем беда. Кроме одной главной, когда речь идет о выборах. А все остальное, что должны выполнять наши партии, не работает. А если это не работает, то такие партии не нужны. Неслучайно сегодня авторитет президента (может быть, по той же самой привычке – император, генсек и т.д.) сохраняется. Но не только на этом, наверное, держится его авторитет. Есть и конкретные положительные подвижки в его деятельности. Скажем, на фоне последних президентов – Горбачев, Ельцин – безусловно, Путин выглядит, наверное, благоприятнее и привлекательнее. И с точки зрения внешней, и с точки зрения внутренней политики.

С точки зрения закона о партиях, насколько партии были бы гарантом дальнейшего развития демократического гражданского общества? Исполняют ли они сегодня эту функцию? Я думаю, что можно смело сказать, что нет. Насколько закон о партиях подтолкнет к этому? Я бы не взял на себя такой смелости – говорить «да» или «нет». Но толчок для развития системы будет. Понятно, что умрут мелкие партии. В этом плане у нас все по-русски – чем больше крови, тем эффективней. Умрут региональные структуры. Но политически деятельные люди не умрут и никуда не уйдут, дай Бог им всем здоровья. Они передвинутся в какие-то другие структуры. Но, с точки зрения функционирования и последующего развития, очень важны последующие за этим законом шаги. Что из себя будет представлять та система выборов, которую уже Вешняков проговаривает и отрабатывает? Ведь он будет ее выстраивать в духе слов президента. Будут влиять и личные качества президента, и команда, которую он еще не сформировал (она формируется, это безусловно), и, может быть, милитаризм политической элиты. Я имею в виду приход военных, причем военных спе-

цифических, из спецслужб. С одной стороны, это элита, а с другой стороны, это не те люди, которым каждый человек был дорог и интересен. Естественно, отсюда появляется желание выстроить жесткую вертикаль. Год назад мы с Владимиром Александровичем уже дискутировали по этому поводу, и сегодня эта линия продолжается. С этой точки зрения, может быть опасность и непредсказуемость дальнейших событий. Она заложена не в самом законе о партиях, а в последующем законе о выборах.

Я по натуре далеко не пессимист, но я не разделяю мнение наших немецких коллег, их оптимизм, с которым они заявляют о том, что у нас уже все прошло, все стабилизировалось. Нет. Мы, правильно, в младенческом возрасте. У нас может быть сегодня принят один закон, а потом кому-нибудь взбрело в голову, например, что губернаторов надо избирать по третьему разу, кинули это в Думу, и по сей день там это крутится, и не понятно, как разрешится. Поэтому то, каким будет закон о выборах, во многом определит перспективы развития нашего общества. А то, что президент, премьер и правительство вне партий, это, я считаю, большой урон в развитии. Поэтому нет ни гражданской идеологии, ни гражданских ценностей, без которых невозможно войти в какое-то определенное русло. Я не имею в виду всех построить в шеренгу. Спасибо за внимание.

Чепель В.Ф. – Мне хотелось бы продолжить или возразить Владимиру Александровичу Рыжкову – это уж как он сам расценит. И высказать мысль о том, что в современном этапе партийного строительства все не так уж плохо.

Мне по логике удобно начать с ответа Владимира Александровича на вопрос о причинах негативного отношения общества к партиям. Он назвал три причины. Я хочу назвать четвертую, которая является настолько принципиальной и фундаментальной, что все, которые назвал он, являются ее следствиями. Эта причина – в типе менталитета нашего общества. Он конфронтационный. Есть два типа – компромиссный, когда нужно договориться, и конфронтационный, когда нужно победить. Наверное, их можно тождественно называть «западным» (или европейским) и «восточным» (или азиатским). Мы уже говорили об этом с Владимиром Александровичем, и он все время исходит из того, что есть какая-то универсальная модель и устройства власти, и парламентаризма, и, в данном случае, партийного строительства. Я считаю, что должно быть, по крайней мере, две принципиально разных модели, которые должны соответствовать типу менталитета общества. Мы 10 лет пытались сделать что-то из западной модели, западного опыта. Не получилось. Мы не только не сделали, мы даже нанесли обществу вред. Я хочу перефразировать одну нашу извест-

ную поговорку: что немцу благо, то русскому – зло. Их модели демократии у нас не работают. Нам надо строить свою модель.

Возвращаясь к партийному строительству, хочу сказать, что и здесь 10 лет мы пытались реализовать компромиссную модель ухода от однопартийности. Чуть утрируя, можно сказать, что создавали партии, наиболее полно отражающие интересы определенных слоев (а слой – это от двух человек и более, и потому их так много), а народу милее партии, которые говорят только про победу (а мы удивляемся, почему популярен Жириновский). Как бы ни относились к коммунистической партии, если будет создано что-нибудь подобное, что сможет победить, уверяю вас, будет куча сторонников, даже членов этой партии.

Сейчас, как мне кажется, наступила смена парадигмы построения многопартийности. И новый закон о партиях ее отражает: за законом просматривается цель – содействовать формированию крупных, дееспособных партий, и в меньшем количестве. Строится первая партия демократического толка, очень сомнительно отражающая что-либо, но ориентированная на победу и способная побеждать. Мне лично то, как все это делается, тоже не очень нравится. Но я понимаю, что для большинства это привлекательнее, и скорее приведет к цели, поскольку эта схема учитывает наш менталитет. Вывод из этого – надо это признать и, чтобы не вредить обществу, это использовать, учитывать это и строить партии, исходя из этого. Одна, которая может победить, уже сформировалась. Нужно делать вторую. Спасибо.

Пургин Ю.П. – Хочется сказать, что на самом деле сегодня мы наблюдаем очень тревожную ситуацию, которая разворачивается в России, то есть, пошли реально какие-то реформы, и мы, в том числе на этой конференции, пытаемся выработать свое отношение к тому, что происходит. Реформы действительно пошли, но всегда для любого реформатора есть вопрос цены этих реформ. Хотелось бы на этом заострить свое выступление.

Какова цена реформы, которая происходит сегодня? Что происходит с обществом? Что происходит со средствами массовой информации, поскольку они мне близки? Буквально в эти же дни в Москве должна была проходить конференция с интересным названием «Свобода слова. Свобода прессы». Ее учредителями были полярные организации: «Газпром Медиа», «Эхо Москвы», СПС и Союз журналистов. Конференция было начала набирать оргобороты, пошли приглашения. А потом случился скандал, потому что на фоне этой конференции шла расправа над «Эхом Москвы». Никто не согласился в ней участвовать, потому что, когда идет война, садиться за стол переговоров бессмысленно. Какова цена той реформы, ко-

гда мы добиваемся единомыслия, единообразия, быстрого принятия решений, когда общество не задумывается над ценой своих реформ? К чему мы вообще можем прийти в этой ситуации? Наверное, каждый из нас здесь представляет, к чему мы можем прийти, потому что у меня такое ощущение, что в этой аудитории все, в основном, единомышленники.

Еще один совсем свежий пример. Недавно наш коллега, член Совета директоров «Алтапресс», побывал на семинаре в Таджикистане, где были представлены Туркменистан, Узбекистан и т.д. Туда привозили все газеты, которые выходят в этом регионе, а он выступал в качестве консультанта. Классический пример: если нет в газете четырех портретов Туркмен-баши, значит, это – не туркменская газета. Зарплату журналистам платит лично президент. Они потрясены нашей свободой слова здесь, в России. Они просто потрясены. Если мы идем туда, и если мы видим, что туда идем, то почему мы так спокойно обсуждаем эти вопросы и говорим, что концепцию мы писали замечательную, но сейчас она не обнаружуетя и о ценностях никто не говорит? Почему мы говорим именно так: «Ребята, знаете, откуда растут ноги, но ноги пошли не туда»? И ни для кого не секрет, что на Западе проблема средств массовой информации обсуждается по-другому.

Еще один пример. Я вернулся с конференции в Берлине, она называлась «Под пятой власти». Так воспринимают нашу ситуацию с прессой Запад. Мы на это смотрим, в силу российского менталитета, относительно спокойно, и внутренне возмущаясь в душе. Мне кажется, что это отношение неправильное и здесь должен быть другой камертон, более тревожный, потому что цена реформ никому из здесь сидящих небезразлична. Спасибо.

Глушков А.Е. – Наша конференция организована главным образом Алтайской школой политических исследований. Я хотел бы подчеркнуть слово «школа». Обмен мнениями, обмен опытом для нас, для провинции, интересен. Интересен опыт работы коллег в центральных органах, опыт немецких политологов. Я думаю, что обмен сегодня состоялся весьма полезный.

Но я хотел бы обратить внимание на один момент. Действительно, многопартийная система является необходимой частью гражданского общества. Но меня беспокоит то, что мы создаем определенный миф вокруг этой многопартийности. Я не говорю о том, что у нас фактически не сформировалось за 10 лет новой России действительных партий. Я помню, я был в 1991 г. в Москве, и везде проходили массовые митинги, шла Демократическая партия под своим лозунгом во главе с Травкиным. Но эти партии не дошли до провинции, они остались, как это принято гово-

речь, в рамках Садового кольца. Мы знаем отдельных лидеров этих партий постольку, поскольку они прошли по округам в Государственную Думу и мелькают на телевизионных экранах. Мне представляется, что закон о партиях, со всеми его недостатками, не запрещает существование мелких партий, то есть многопартийная система не исключается. Но давайте посмотрим на роль этой многопартийности. Соединенные Штаты Америки – демократическая страна? Великобритания – демократическая страна? А Германия? Действительно, там существует много партий. Но какие партии мы знаем, и какие партии управляют страной? То есть, существует проблема многопартийности, и существует проблема реального государственно-политического управления. Кто скажет, что Германия не демократическая страна? Но давайте назовем партии, которые мы знаем. То же самое касается и всех стран.

Владимир Александрович Рыжков все время восторгается французской политической системой. Но та система, которая сейчас существует, рождена де Голлем. А во французской республике, начиная с 70-х гг. XIX в., существовала та многопартийная система, которая привела Францию к кризису. Достаточно сказать, что в 20-е гг. за десять лет сменилось 27 правительственных кабинетов. Эта ситуация повторялась и после второй мировой войны. Франция – многопартийная страна, но мы знаем сейчас деголлевскую, или постдеголлевскую, партию, знаем социалистов. Еще мы знаем некоторые правые партии. А где масса других партий? Не нужно питать иллюзий и строить мифы вокруг многопартийной системы.

Мне кажется, что одним из преимуществ закона, который сейчас принят, является ориентация на регионы. У нас проблема в формировании региональной политической элиты. И пока партии не будут заниматься проблемами формирования региональной политической элиты, у нас партий не будет. Кто управляет у нас страной и заседает, главным образом, в Государственной Думе и правительстве? Люди, которые не имеют значительного опыта хозяйственной, управленческой работы. Посмотрите, кто занимает пост канцлера Германии, кто занимает посты в Соединенных Штатах Америки. Это – губернаторы, главы земель. Где у нас в партийной элите губернаторы, где представители региональной элиты? Пока не будет формироваться региональная политическая элита, настоящих партий у нас не будет.

И второй момент – проблема политического лидерства. Она также связана с формированием региональной политической элиты. Если не будет этой элиты, у нас вся политическая элита Государственной Думы будет состоять из одних москвичей.

Еще один момент. Я бы не в обиду сказал нашим московским товарищам, которые были чиновниками при президенте Ельцине и о которых в свое время также писали, что чиновники из окружения делают то-то и то-то. А сегодня они говорят, что чиновники при Путине такие нехорошие. Я прошу прощения. Спасибо.

Мау В.А. – В виде реплики на предыдущее выступление. Не совсем справедливо относить этих чиновников к московской элите, поскольку она совсем не московская, а Петербург – провинция. Так, постепенно, шаг за шагом мы дойдем до следующих городов. Так что с этой точки зрения тенденция как раз отнюдь не московская. Я не очень себе представляю москвича, избранного Президентом России. Это практически невозможно. Это – клеймо. Московская элита как раз играет небольшую роль.

Мне представляется, что эта дискуссия немного преувеличивает проблему. На самом деле нужно немного отойти от мистицизма и исторического цинизма, точнее цинизма, которому учит история. Все страны счастливы по-разному, перефразируя другое выражение. Во-первых, канцлер ФРГ и премьер-министр Великобритании, как правило, не имеют никакого хозяйственного опыта. Это – чистые политики и уж точно не происходят из губернаторов. А губернаторы в Соединенных Штатах, как правило, очень неудачные президенты. Не всегда (Клинтон, скорее, позитивный случай), но чаще неудачные. Но проблема не в этом. Как в экономике практика важнее, так и в политике, праве традиции, которые постепенно формируются, и формируются достаточно быстро, важнее писаного закона. Я бы не сказал, что III Республика во Франции при частых сменах кабинетов была очень неудачна. Она все-таки просуществовала 70 лет. Причем, что забавно, первые 15 лет это была республика без республиканцев. Вся элита была против республики, но, тем не менее, республика выжила, кабинеты менялись, президент был монархист. Тут тоже нет никакой предопределенности, ни к счастью, ни к несчастью. А IV республика, вроде бы, была почти такая же, а рухнула. Причем отнюдь не потому, что была многопартийность, а из-за алжирской войны. Партийная система де Голля тоже довольно странная. Например, конгломерат правых партий – это группировка мелких партий, люто ненавидящих друг друга, даже больше, чем в СПС. Но они долгое время формировали кабинет, понимая, что вместе лучше.

Мне представляется, что мы просто постепенно адаптируем некий режим. Он вовсе не восточный, не западный. Он такой, какой сложится. Мне кажется, что нет никакого конфронтационного или антиконфронтационного элемента. Точно так же, как пример с Конституцией, который я всегда привожу. Российская Конституция – как английская, российский пре-

зидент имеет столько же власти, как британская королева. Та только ей не пользуется последние 250 лет, опять же в силу традиций. Ничто не мешает российскому президенту назначать премьера, опираясь на большинство в парламенте, — он же не глава кабинета, автоматически подписывать законопроекты и т.д., то есть вести себя как британский монарх. Это просто проблема нахождения консенсуса среди элиты. Когда элита не будет требовать от президента противоположного по базовым ценностям, это будет возможно и, наверное, к этому придет.

То же самое с федерализмом. Мы жалуемся на наш федерализм, но мы врезаемся безумно быстро. Я хочу напомнить, что нынешний американский федерализм сложился через гражданскую войну, которая, вообще, была не о неграх, а об отделении южных штатов. Свобода негров была внешней формулой, которую использовал Авраам Линкольн, чтобы получить поддержку в глазах европейского общественного мнения. Вообще же, это была борьба с южными штатами, которые захотели отделиться. Америка прошла через самые сильные конфликты, связанные с сегрегацией, когда штаты отказывались выполнять федеральное законодательство и власти еще в 60-е гг. использовали насилие, чтобы обеспечить равенство рас. То есть, на самом деле нет безоблачных семей. Они все проходят через конфликты. Правда, потом, к золотой свадьбе, к похоронам выясняется, что это была великолепная семья, с нее надо брать пример. Спасибо.

Шупик Г.Ф. — Я хотел бы начать вот с чего. Я принимал участие уже во многих заседаниях нашей школы, и, пожалуй, это — наиболее интересное из всех заседаний. Если бы эту планку удалось бы выдержать на последующие годы работы, то было бы великолепно. Спасибо большое организаторам за эти два дня крайне интересной и полезной работы.

Теперь по теме. Несколько слов о злосчастном законе о партиях. Здесь по-разному его оценивали, и мне наиболее близка позиция Георгия Александровича, который сказал, что этот закон особо нового ничего не дает. Я с этим полностью согласен. Два аргумента в пользу этого тезиса. Первый аргумент. Численность партий определили в 10 тыс. Что из этого? Это ничего не дает. Вспомните: большинство наших партий, если говорить о количестве их членов, умещаются на автобусной остановке, причем друг друга толкать локтями не будут. Далее. Рассматривать их политические позиции, то есть чем они отличаются одна от другой, могут только специалисты, причем используя мощнейший микроскоп. Наконец, эти партии, если они еще, конечно, полуживые, действуют только в районе знаменитого кольца, не более того. И в данном случае получается так, что будет 10 тыс., 5 тыс., 15 тыс. — это никакого значения для этой мелкоты не

имеет. С другой стороны, лидеров мелких партий это может подтолкнуть более активно действовать для развития своей партии.

Второй момент. Здесь высказывалось мнение, что, когда будет немного крупных партий, на них власть будет сильнее влиять. Мне кажется, что ситуация тоже не изменится. Ведь сейчас власть на мелкие партии не обращает внимания. А зачем на них обращать внимание, если они имеют численность от 1,5 до 3,75 человек в каждой? Обращают внимание на крупные партии. С этой точки зрения никакого изменения не произойдет.

И несколько слов, связанных с региональными партиями: нужны они в России или нет? Когда мы ставим вопрос о региональных партиях, нужно различать два момента. Теоретическую постановку этого вопроса и практическую. Что касается теоретической постановки, то они, несомненно, нужны. Но если мы возьмем конкретно-историческую обстановку в нашей стране? Я не буду вдаваться в эту проблему, просто приведу пример. Представьте себе, какая региональная партия возникнет в Приморье при г-не Наздратенко. Спасибо за внимание.

Шульце П. — Вы знаете, я не специалист по партиям, такой специалист сидит у нас за столом, это — г-н Леше. Поэтому я прошу меня извинить, если я буду говорить неправильные, с точки зрения теории, вещи. Я хочу немного подискутировать с г-ном Мау. Важным в том, что он сказал, является то, что конфликты способствуют структуризации общества. Но при этом он забыл связать эти конфликты с определенными интересами. Конфликты возникают только тогда, когда сталкиваются группы, которые выражают свои интересы, которые организованы и выносят конфликт интересов на политическую арену. Мы это называем конфликтом. Это означает, что в обществе должны существовать условия для того, чтобы такие интересы могли организовываться в определенные группы, выражающие свои интересы на политической арене. В этом как раз федералистские и этатические общества ничем не отличаются. Модель V республики во Франции или английская конституция, или вестминстерская демократия могут опираться на столетний опыт, и они имели разные фазы в своем развитии.

Но есть определенная разница между федеральными и этатическими государствами. Это различие также затрагивалось здесь. Это фактор опыта. Я не знаю ни одного члена правительства или руководителя правительства в Германии, который не имел бы политического опыта в качестве бургомистра, мэра или премьер-министра какой-нибудь федеральной земли. Многолетний опыт. Это так, и это хорошо, как говорит сегодня наш федеральный канцлер, потому что благодаря этому мы можем выбирать такую команду правительства, которая, по крайней мере, знает, о чем идет

речь и как работать с аппаратом. Это люди, которые могут опираться на свой многолетний опыт политической борьбы. Этого опыта нет в Англии, этого опыта нет во Франции. Очень редко провинциальные политики в Англии или во Франции поднимаются на очень высокий уровень. Мне кажется, что это очень важный момент, и мы с личным опытом каждого политика имеем большие плюсы у нас, в Германии.

Есть и другой положительный элемент в этой конструкции. Если вы теряете правительственное большинство или большинство в парламенте, то вас не будет ожидать такая судьба, как в Вестминстере, когда вы просто падаете с большой высоты и расплющиваетесь на полу. Вы можете перейти в оппозицию и сохранить свою власть на более низком уровне, скажем, на земельном или коммунальном уровне. Это означает, что всегда есть постоянная – не абсолютная, а относительная – смена руководящего аппарата. Это создает высокую степень стабильности общества и определенную степень консенсуса между политическими силами. Если мы попытаемся спроецировать это на российское общество, я очень был бы рад видеть, что при следующих выборах в Думу политическая группировка, которая получила 50% голосов, имела бы большее представительство в правительстве и при этом имела бы более реальный опыт, реальные ориентиры в политической сфере. Может быть, в ближайшие дни этот вопрос будет поставлен на повестку дня в результате слияния двух партий. Мне кажется, что кардинальная ошибка, из-за которой вы испытываете огромные сложности при создании нормальной политической системы, коренится в Конституции. До тех пор, пока каждому гражданину данного государства не понятно, зачем вообще существует Дума, которая, в общем-то, имеет одну главную функцию – в конце каждого года принять или не принять бюджет, а в прочем это – машина для голосования; до тех пор гражданину очень сложно идентифицировать себя с фракциями и группировками, которые существуют в Думе. Это – один фактор.

Второй фактор заключается в том, что не надо время с 1991 г. до 1999 г. или с 1999 г. по сегодняшний день слишком высоко оценивать. Это был период, в который общество только начало подвергаться процессу дифференциации в результате экономических преобразований. То есть то, что я говорил в самом начале, а именно объединение людей в группы для выражения своих интересов, для вынесения этих интересов на политическую арену – этот процесс был чисто виртуальным и абстрактным в большей степени. Не было слишком много того, что можно было бы распределять. Намного лучше можно было реализовать свои политические интересы не через партии, а через другие структуры. Эта ситуация сейчас радикальным образом меняется. Мне кажется, что даже тот закон о партиях, который в

настоящее время получили в несколько урезанном виде, сыграет свою роль и, может быть, иную, чем об этом думали люди, принимая этот закон.

Купцов В.П. – Давая рефлексивную оценку партийной системе в России и подкрепляясь докладами наших экспертов, я пришел, может быть, к нестандартному выводу, что многопартийность не является основной характеристикой нашей партийной системы, так как политический ландшафт всей страны сконцентрирован вокруг трех центров, представленных нашими партийными организациями. Это, в частности, левый центр – организации с коммунистической идеологией во главе с КПРФ, которые, однако, имеют сильные позиции в обществе и, благодаря курсу экономических реформ, имеют тенденцию отдрейфовать к социал-демократии, что можно заметить по таким организационным образованиям, как «Россия» Селезнева, Социал-демократическая партия Горбачева; правый центр во главе с Союзом Правых Сил и «Яблоком», где также происходят интересные процессы и формируется единый фронт либеральных ценностей и либеральных агентов в обществе, где также очень хорошо растет политический вес; и центр власти во главе с «Единством», где, нужно признать, политической самостоятельности нет вообще никакой, так как его можно сравнить с собачкой-пуделем президента, потому что у него получается хорошо отразить интересы исполнительной власти во главе с президентом в Думе, в законодательных органах на местах. Поэтому основной тезис моего выступления заключается в том, что у нас не многопартийная система, а партийная система трех центров.

Еще я хотел бы добавить к выступлению Владимира Александровича Рыжкова по поводу непопулярности партий пятый пункт. Если сравнивать популярность президента и популярность партий, то партии не имеют, в отличие от президента, очень важной для российского общества характеристики – харизмы, харизматической рамки, основанной на национальных традициях русского народа. Президент как глава государства всегда имеет харизму как главный критерий популярности, в отличие от партий.

Герасимов А.С. – Вчера один из уважаемых докладчиков сказал, что каждая страна – особый случай. Я бы сказал, что Россия – особо тяжелый случай. Во всяком случае, в отношении партийного строительства. У нас в газете есть тематическая страничка, которая называется «Глас народа». Если оценивать деятельность наших партий с точки зрения гласа народа, то может нарисоваться очень интересная картина. Я затрону только один аспект, поскольку их, на самом деле, действительно много. Почему у нас партии не очень любимы в народе, что было сегодня хорошо показано в процентах? Я думаю, что народ интуитивно чувствует существование не-

коего социального закона, который можно сформулировать так: «Всякая власть в России думает прежде всего о себе, партийная власть – особенно». Чего ждет народ от партий, какую партию он хочет видеть? Я думаю, что в глазах среднего россиянина эта партия должна быть либо народным заступником, либо нравственным поводырем. Что он видит на самом деле? Как только появляется крепкая шея, на которую можно сесть, и быстро въехать во власть, и таким образом приблизиться к кормушке, так сразу появляется много желающих на эту шею усесться и организовать партию вокруг этой самой шеи. Как только эту шею сворачивают, партия, естественно, разбегается. Поэтому я думаю, что нашим партиям стоит беспокоиться не только о том, как сформулирован закон о партиях, но и о том, как чистить свои ряды от карьеристов и проходимцев. Спасибо.

Ужакин С.Ф. – Я хотел бы проанализировать рынок таких мероприятий в России. Мы очень внимательно следим за тем, что происходит на этом поле, и я бы мог сказать, что в России сейчас проходит несколько таких форумов – санкт-петербургский, новгородский, байкальский экономический форум. И теперь я могу сказать с уверенностью, что алтайский форум в этом смысле тоже занимает достойное место. С одной стороны, здесь собрана элита Алтайского края, которая умеет думать, а с другой стороны, организаторам постоянно удается привлекать значимых людей, личности с большой буквы, которые имеют какие-то ориентиры на будущее. Но мне хотелось бы дать несколько советов. На мой взгляд, необходимо позиционировать наш форум, то есть выяснить, какие проблемы решать. Мы смотрим на те форумы, которые проходят, и видим, что решается один и тот же круг задач. Можно привести метафору про хозяина, у которого было определенное количество помидоров, и из этих помидоров некое количество было гнилыми. Он решил кушать в будущем только хорошие помидоры, и решил сначала съесть гнилые, а потом хорошие. Но всякий раз, когда он съедал гнилые помидоры, у него все время появлялось определенное количество новых гнилых помидоров. Мне кажется, что тот круг проблем, который сейчас решается в России, переносится и на наше обсуждение. Мы все время обсуждаем проблемы, которые кажутся нам актуальными и интересными, не пытаюсь выйти за некий предел для того, чтобы решать какие-то задачи на опережение.

Я в своем выступлении в первый день уже говорил, что мы должны понять, что есть европейская модель развития, а что есть азиатская. Достаточно много теплых слов говорили про европейскую модель, и, как мне показалось, несколько уничижительно говорили про азиатскую, перенося опыт Туркменистана, Киргизии и т.д. Мне кажется, что это не совсем корректно. Давайте исходить из посылки, которую в свое время сказал Кип-

линг: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, вместе им не сойтись». К тому, что сказал Владимир Александрович Мау про конфликт, я бы добавил, что конфликт – это борьба за ресурс. А поскольку мы подразумеваем, что материальный ресурс на планете будет все более и более исчерпываться, то не исключено, что некие противоборствующие силы (даже не по классовому признаку) войдут в решающую фазу схватки. На мой взгляд (пускай это выглядит утопично), предназначение России, и даже Алтайского края, потому что мы находимся в середине России, на стыке культурных потоков, – выработать новую модель мироустройства, которая могла бы решить все сопутствующие задачи. Спасибо.

Шпангер Х.-Й. – Разрешите мне продолжить мысль моего предшественника и сказать, что азиатской модели как таковой вообще не существует. Есть азиатские плюралистические успехи, которые в таких странах, как Япония, Корея, Тайвань, Сингапур, в недавнем прошлом Малайзия, Таиланд, Китайская Народная Республика, опирались на различные исторические и культурные условия. Если мы посмотрим, как эти модели развивались в ближайшем прошлом, то можно констатировать, что как в политическом, так и экономическом плане существует большая конвергенция, которая приближается к универсальным принципам.

Но я, собственно, хотел бы затронуть высказывание г-на Шульце и продолжить его, так как он постоянно провоцирует меня своими выступлениями, это его традиционный способ. Речь идет о работоспособности партийной системы. Каждая партийная система должна измеряться прежде всего тем, что производит та или иная политическая система. Здесь важны два параметра. Это профессионализм политического руководства и демократическое участие, то есть выражение тех помыслов, которыми болеет общество. Если рассматривать различные партийные системы, возникает очень пестрая картина. Можно представить себе, что партийные системы представляют собой идеальный компромисс между двумя этими принципами, так как проблема состоит в том, чтобы обеспечить политическую профессионализацию и демократическое участие, а эти два принципа противоречат друг другу. Партийные системы обещают установление моста, при котором, с одной стороны, они будут формировать политическую волю общества, а с другой стороны, будут осуществлять организованный процесс отбора политических руководителей.

Давайте посмотрим на конкретные примеры Германии и Франции в этой плоскости. Французскую политическую систему характеризует высокая степень профессиональности. Но эта профессиональность возникает не за счет партийной системы, а за счет того, что во Франции существует политический класс, который возникает в элитных школах, вырастает из

выдающихся семей. Поэтому эта политика достаточно изолирована от общества, и это является составной частью политического кризиса во Франции, который состоит в том, что общество и политическая система не могут разумно общаться друг с другом. В Германии это выглядит несколько иначе. В Германии не существует такого политического класса. Там возникает политическое руководство через партии. То есть, с моей точки зрения, это порождает определенные проблемы в профессионализме политиков. Я хотел бы возразить г-ну Шульце и проиллюстрировать этот факт на конкретном примере. Вы все помните, когда Эдуард Шеварднадзе стал министром иностранных дел Советского Союза. Может быть, это было бы хорошее решение на долгосрочную перспективу, однако в тот момент он не был профессиональным министром иностранных дел, он сам приехал из Грузии. Так же это функционирует и у нас. После прихода оппозиции к власти у нас на долгий период затягивается профессионализация, особенно в сфере внешней политики, так как персонал в эту сферу рекрутируется в основном из федеральных земель, то есть из провинций. Как говорят, внешнеполитический горизонт земельных правительств кончается в столице Германии или, в лучшем случае, если представитель той или иной земли находится в Брюсселе, в рамках Европейского Союза. Это очень похоже, в частности, на американскую систему. Таким образом, каждые два года теряются те или иные элементы внешней политики.

Но, в отличие от Франции, можно считать, что проблема демократического участия у нас выступает в лучшем свете. Однако, исходя из опыта немецкой партийной системы, здесь существуют определенные оговорки. Может, г-н Леше меня поправит, но обмен специалистами между обществами и партиями стал настолько мал в послевоенной истории Германии, что карьера формируется практически только в рамках самой партии. То есть, практически каждый политический представитель в Германии свою профессиональную политическую карьеру начал в юном возрасте в партии и закончит ее в рамках партии. То есть, практически нет горизонтальной перетекаемости кадров, и это относится не только к профессионализации, но и к способности общения с обществом. Спасибо.

Мельников С.М. – Я хотел бы прежде всего поблагодарить организаторов и уважаемых гостей. Я представляю не краевой центр, а город Бийск, периферию Алтайского края, город достаточно большой, но все-таки центр сельской территории. Затрагивая тему партийного строитель-

ства, я хотел бы отметить, как она видится из глубины, с периферийной части³⁰.

Во-первых, тот закон о партиях, который принят, безусловно, ничего существенно не изменит. Примером может служить численность, которую определили и которую набрать в любом городе, в любой территории не составит определенного труда в силу того, что, например, сегодня в Бийске помимо Коммунистической партии действует несколько других отделений партий. Они формально имеют численность по 80 человек, а фактически, вы это прекрасно знаете, – максимум 3-5 человек, которые реально участвуют в какой-то партийной деятельности. К слову, Компартия действительно имеет какую-то структуру, проводит поддерживающие мероприятия, такие как митинги (недавно они проводили митинг по поводу Земельного кодекса). Другие же партийные структуры в настоящее время практически никакой работы не ведут, то есть просто ждут выборов. Мне кажется, что одна из причин этого состоит в том, что другие, некоммунистические, партии не определились относительно своей социальной базы и ее четко не выразили. Даже по тем вопросам, которые сегодня актуальны – о земле, о реформе, – большинство населения (по крайней мере, у нас в Бийске) не представляет, каковы позиции партий. То есть, активисты этих партий не знают, что делать, не знают, как работать с населением. Мне кажется, что, говоря о многопартийности, нужно посмотреть, чьи интересы выражают партии, и ориентироваться не на сиюминутные вопросы, связанные с выборами, а создавать достаточную социальную базу для работы. Пусть будет меньше процентов на выборах, но будет твердая почва, о которой мы сегодня говорили, а не то болото, которое имеет место. На мой взгляд, перспективы для многопартийности у нас не очень положительные, так как пока наше общество не оформится структурно, я имею в виду экономически, пока интересы не будут четко оформлены, говорить о какой-то реальной политической деятельности очень сложно. Спасибо.

Емешин К.Н. – Уважаемые коллеги! Я хотел бы поблагодарить организаторов конференции, и прежде всего – руководителя оргкомитета профессора Ю. Чернышова, за возможность принять участие в этой конференции. В заключительной дискуссии хотелось бы поделиться соображениями по ряду проблем, затронутых в докладах.

Региональный компонент экономических реформ. В докладе руководителя Рабочего центра экономических реформ при Правительстве России В. Мау и первого заместителя главы администрации Алтайского края

³⁰ Более подробно эта тема освещена автором в тезисах (см. ниже). – *Прим. отв. редактора.*

Н. Чертова рассмотрены эти проблемы, но хотелось бы дополнить отдельными фактами на примере такого региона, как Алтайский край.

Довольно распространены шаблоны о том, что в последнее время наблюдается рост объемов производства; делается вывод об улучшении экономической ситуации в Алтайском крае. Однако в реальности проблема несколько сложнее. Во-первых, следует учесть, что в последние два года изменились методики статистической регистрации производства. Собственные данные краевой администрации по мониторингу крупнейших предприятий края показывают, что выводы о росте объемов производства дискуссионны. Во-вторых, используя экономические категории, мы можем констатировать, что рост объемов производства не дает никакого позитивного результата: пропорционально растет и кредиторская задолженность. Оценивая бюджет края, можем отметить, что рост в основном достигнут за счет увеличения трансфертов из центра, продолжает расти внутренний долг, который достиг уже почти 2-х годовых суммы собственных доходов. В 2000 г. возросла кредиторская задолженность бюджета.

Анализ показывает, что в этих тенденциях есть специфика Алтайского края. Краевая администрация заговорила о «либерализации» экономики, и выступающий Н. Чертов даже подчеркнул, что он стал либеральнее самого Гайдара. Но в реальности это лишь переход на «либеральную риторику». Так, краевая администрация декларирует намерение списать долги предприятиям-банкротам, причем... используя индивидуальный подход. Это совсем не либеральная политика.

Господин Ханкель подчеркнул, что для России наиболее актуальна проблема формирования эффективной финансовой и банковской политики. О каком либерализме можно говорить, когда в крае есть два уникальных банка, один из которых полностью принадлежит краевой администрации («Сибсоцбанк»), другой детям руководителей края и города («Алтайкапиталбанк»)?

Или еще один аспект «либерализма» – снижение налоговых ставок. Власти Алтайского края не только ввели 5% налог с продаж, но и, найдя неопределенность в законе о едином налоге на вмененный доход, постарались за счет различных коэффициентов его так увеличить, что бизнесу в пору уходить из края в другие регионы.

Еще один пример антилиберальных действий краевых властей. Постоянно подчеркивается необходимость прямого вмешательства государственных властных структур в деятельность хозяйствующих субъектов. Причем эти заклинания продолжают озвучиваться, хотя краевая администрация получила уникальный горький опыт по скупке за бюджетные деньги завода синтетического волокна. Бюджетные деньги вложены,

предприятие за три месяца «проело» эти бюджетные ресурсы, и все. Затем краевые власти отдали эту краевую собственность в траст. Новые руководители сделали все, чтобы разграбить остатки завода. Вот так вот и «попурили» – еще раз доказали, что нет худшего хозяина, чем государство. И тем не менее, постоянно идут поползновения забрать собственность, создать государственные унитарные предприятия. Это подход абсолютно антилиберальный.

По поводу дискуссии о прессе. Полностью можно согласиться с оценкой ситуации – идет резкое ограничение свободы СМИ, особенно в регионах. Здесь приводились примеры, когда в Туркмении каждая газета должна помещать определенное количество портретов своего вождя Туркменбаши. Уверяю вас, что у нас также в региональной прессе идет такое соревнование, кто больше поместит портретов губернатора и мэра. Кстати, я поднял нашу краевую газету за 1990 г. и там не нашел ни одного портрета 1-го секретаря крайкома или председателя исполкома; все больше портреты рабочих, крестьян, и просто рядовых людей. Стало быть, такое подобие страсти и усердие в восхвалении местных руководителей появилось в последние годы.

Дискуссия по 3-му заседанию о перспективах развития партийной системы, пожалуй, была самая подготовленная. Здесь хотелось бы подчеркнуть, что, к сожалению, говоря о партиях, мы почему-то подразумеваем только известную нам со времен КПСС модель. Почему-то основываемся на догме, что влияние определяется числом членов, забывая, что ведущую роль в принятии властных решений все-таки играет не массовость, а наличие идей и возможности влиять на политическую элиту.

По поводу неоднократных упоминаний на конференции о различии точек зрения в руководстве «Союза правых сил». Это естественный процесс – ведь объединились 9 партий, имевших разную политическую историю, разные нюансы своих программных целей. Идет процесс выбора приоритетных целей тех или иных партийных структур. И на уровне края мы сталкиваемся с подобными явлениями. Например, есть наши сторонники предприниматели, которые полностью поддерживают идеи либерализма, но они в силу своей специфики вряд ли будут публично выступать против конкретных антилиберальных действий краевых и особенно муниципальных властей. Кое-кто уже устал от чиновничьего произвола и просто требует некоторого «порядка», который почему-то облачается в «тоталитарную модель» общества. Все это болезни роста СПС. Главное, что сейчас уже большинство в обществе поняло, что в настоящее время нет иной продуктивной модели развития России на ближайшие годы, чем либеральная модель.

Мельников А.Н. – Уважаемые участники конференции! У меня есть еще одно важное дело. Нам надо дать возможность нашим докладчикам выступить с заключительным словом. Я думаю, что вы не будете возражать, если мы попросим наших уважаемых докладчиков высказаться по поводу того, что прозвучало в вопросах, выступлениях, заявлениях.

Леше П. – Я хотел бы подчеркнуть следующее. Я согласен с Петером Шульце и со всеми другими в том, что существует контекст между обществом и партиями, существуют группы интересов и конфликты. Именно конфликты этих интересов являются содержанием политики. Второй момент, который стал отчетлив в рамках дискуссии, состоит в том, что мы, возможно, занимаемся различными политическими системами и рассматриваем роль партий в разных системах. В рамках парламентской системы правительство формируется непосредственно парламентским большинством, и партии являются связующим звеном между кабинетом и парламентским большинством. В президентских системах президент становится руководителем исполнительных органов власти, он избирается вне парламента. Между этими системами существуют многочисленные варианты. В президентской системе правления партии слабы.

Вопрос для России состоит в том, чтобы рассмотреть свою Конституцию: какую ответственность несут партии в парламенте, с одной стороны, за бюджет, с другой стороны, – за формирование персонала правительства. Может, стоит сделать премьер-министра ответственным перед парламентом, и тогда он будет нести ответственность перед партиями. Это своего рода французский вариант.

Третье замечание. У партий нет монополии на формирование политической воли, на роль посредника между обществом и государством, на рекрутирование политической элиты. Другие институты, такие как группы интересов, прямая демократия в парламентах, также выполняют эти функции. Решающее значение имеет то, чтобы эти функции осуществлялись. В настоящий момент мы слишком сильно зафиксировали свое внимание только на партиях. Если мы говорим о партиях, то существует широкий спектр партий, существуют рамочные партии, такие, как в Америке, в которых существует большое количество специализированных партий; и существуют такие партийные системы, которые могут состоять из дюжины партий – 2-3 больших и 3-4 специализированных малых партии. Необходимо рассматривать эти различия, когда мы говорим о функциях партий. У партий нет также монополии в отношении профессионализма или процесса политического участия.

Последняя ремарка. Я подчеркиваю еще раз, что существуют специфические национальные исторические традиции путей развития. Каждая

партийная система уникальна, несмотря на большое количество сходных черт, которые мы выявляем при анализе партийных систем. Поэтому мне совершенно не понятно, почему российский ребенок должен быть сравнен с тяжеловесом. В этом сравнении они не подходят друг другу. Здесь гораздо важнее посмотреть, на какие исторические традиции может опираться та или иная партийная система. В российской истории, в том числе, существует история демократических экспериментов. Поэтому я бы российскую действительность не стал бы сравнивать с ребенком. Мы все взрослые. Чем больше различий существует в нашей социализации, тем больше различий существует в нашей политической истории, политической культуре. Спасибо.

Хедборг Э. – Сегодня утром мы говорили о том, почему у вас два первых президента беспартийные. Я думаю, что ответ на этот вопрос очень легок. Им просто было лень. Ведь каждому царю проще самому все решать, нежели слушать, быть замешанным в ежедневных дискуссиях, которые сопровождают создание партий, создание демократии и т.д. Я помню, что примерно 10 лет назад, в начале реформирования русской экономики, в Стокгольм приехала состоятельная группа экономистов, людей, которые должны были понять, как работает шведская биржа. Они были проведены по этой бирже и в конце дня имели возможность задать вопросы. Один человек в этой группе сказал: «Все это интересно, но кто все-таки устанавливает стоимость акций»? Я надеюсь, что этот человек спустя несколько лет понял, что стоимость акций создается путем трудного, сложного торга. В этом можно увидеть параллель демократии. Она тоже создается путем трудного ежедневного торга. Есть такое английское выражение: «learning by doing», то есть человек учится во время действия. Поэтому я вам желаю трудолюбивых, терпимых лидеров, которые были бы готовы терпеть тот хаос, те сумбурные действия, которые, безусловно, сопровождают создание демократии.

Рыжков В.А. – В нашей дискуссии выявилась позиционная и очень важная развилка общественного сознания. Если говорить о крайностях, то одна точка зрения – мы нормальная западная страна со своими выкрутасами и идем более или менее таким же путем; вторая точка зрения – попытка идти этим путем и есть выкрутас, потому что мы особые, у нас особая ментальность, у нас все другое, ничего у нас не получается, и пытаться нечего. Мне кажется, что во многом те реплики и комментарии, которые звучали, обусловлены этой предустановкой говорящего, внутренней, философской предустановкой. Яснее всего выразил это Владимир Федорович Чепель, который сказал, что причиной неудач с демократией является менталитет российского народа. Европейский путь не подходит, что

немцу благо, то русскому смерть и т.д. На самом деле, даже само выступление Владимира Федоровича несет в себе парадокс. Дело в том, что в азиатском обществе такое выступление невозможно. Он выступает с позиций Декарта. Это – картезианское мышление. Выйти и оспорить тезис другого человека – это европейский тип мышления. Этот парадокс всегда нужно помнить. Когда мы оспариваем свою европейскость, мы оспариваем ее через европейские аргументы и европейское мышление. Мы находимся в европейской системе координат и сами себя ставим под сомнение. Это ли не лучшее доказательство того, что мы – европейская цивилизация с европейским методом рефлексии. В Азии нет рефлексии, по крайней мере, в том виде, в котором мы имеем ее в нашем обществе и в том числе в этом зале.

Что касается того, что у нас другой опыт, то Владимир Александрович Мау говорил сегодня об этом. Если говорить об опыте Германии, то вот где был недемократический, сложный, мучительный опыт. А если вспомнить Францию? Несколько революций, несколько реставраций. А если вспомнить британскую историю и т.д.? Я хотел бы поделиться с вами своей предугадкой. Я не верю как историк в универсальные законы истории. Их не существует. Поэтому я никогда не утверждаю, что России уготован западный путь в любом случае и что все будет хорошо. Это не так. Но я и не верю в безнадежный детерминизм: мы особые, мы Евразия. Нам никогда не быть Европой и т.д. И то, и другое, на мой взгляд, неверный подход. Моя предугадка заключается в том, что мы, безусловно, часть европейской истории и культуры, но только многолетние, многовековые усилия нашего народа и каждого из нас способны выработать ту модель общества, государства, экономики и демократии, которая позволит говорить о российском варианте европейского развития. Это и не универсализм, и не детерминизм. Это, на мой взгляд, реалистический подход к нашему настоящему и будущему. Мне кажется, что если брать последние 200 лет, то вся наша история доказывает это так же, как доказывает это германская, французская, британская история. Давайте вспомним Екатерину, Александра I, катастрофу в Крымской войне, великие реформы Александра II, Александра III, великие реформы Николая II, те чаяния, которые двигали народом в дни революции 1917 г., оттепель, которая началась с Хрущева и по нарастающей вела к открытости нашего общества последние 15 лет, и мы увидим всю противоречивость, но, безусловно, европейскость нашей истории с точки зрения рефлексии, оценки, надежд, чаяний. Ведь если спросить, какова наша общая мечта, она находится там. Что видно даже из нашего сегодняшнего обсуждения.

Из этой предугадки вытекает еще одна интересная вещь. Раз так нам предписано Богом, то все остальное – мелочь, частности и ерунда. Отсюда проистекает вывод о том, что закон о партиях ничего, собственно говоря, не изменит. Подумаешь, 10 тысяч любой дурак наберет, были бы деньги. Это верно. Но я-то как раз усматриваю недостатки этого закона вовсе не в 10 тысячах, а совершенно в других вещах. Например, в ликвидации региональных партий. Мы не можем сейчас просчитать, каковы будут последствия, если рост регионалистических настроений столкнется с невозможностью их выразить в легальной форме. Например, Испания, понимая это, разрешает баскским партиям, которые открыто выступают за выход из Испании, заседать как в региональном, так и в федеральном парламенте. Они понимают, что лучший способ нейтрализации этнического сепаратизма – это легализация. Я выражаю опасения по поводу национальных движений в Башкирии, Татарстане, Чувашии, на Северном Кавказе. Как здесь сыграет этот запрет, в этой области? Вот что у меня вызывает сомнения. Еще у меня вызывает сомнения членство в партиях. Это не такая простая вещь. Каждый член партии дает паспортные данные, место работы и прописку. То есть впервые список партии становится очевидным для региональных властей и т.д. Как это сыграет в нашей реальной среде? Поэтому дело вовсе не в 10 тысячах. Я согласен, этот закон не внесет кардинальных изменений, но я бы призвал не упрощать и видеть те проблемы, которые там есть.

Анатолий Ефимович Глушков сказал, что я восторгаюсь французским опытом. Я не думаю, что эмоционально и научно слово «восторгаюсь» в данном случае корректно. Я не восторгаюсь французским опытом, но мне кажется чрезвычайно интересным этот опыт, потому что наша действующая Конституция ближе всего французской Конституции V Республики. Для меня очень интересно, как от де Голля, который контролировал очень многое в политической системе, V Республика смогла проделать эволюцию к системе «сожительства» между правым президентом и левым правительством и наоборот. Это существует уже 20 лет. Вот что меня интересовало во французском опыте, и мне кажется, что его не нужно отбрасывать. Я хочу поблагодарить всех, кто отреагировал на мой доклад.

Сатаров Г.А. – Я хочу зацепиться за два выступления. В одном выступлении говорилось, что у нас такая власть, которая думает только о себе, – это первый тезис, а второй – плохие политики, надо чистить. Проблема в том, что власть везде, по определению, думает только о себе и думает о трех вещах: как эту власть получить, сохранить и увеличить. Это – закон природы, и упрекать в этом политиков – это все равно, что упрекать бизнесменов в том, что они, мерзавцы, работают только для того,

чтобы получить прибыль. Это действительно неприлично. Как, вы работаете не на благо людей, а для того, чтобы получить прибыль? Но все-таки, несмотря на то, что они работают для того, чтобы получить прибыль, в рамках конкурентного рынка они вынуждены для этого работать на нас, делать товар, который мы будем покупать, а значит, товар, который лучше, чем у конкурентов. Несмотря на то, что они руководствуются такими скверными соображениями. С политиками в условиях демократии то же самое. Презумпция демократии основана на том, что все политики – бяки и работают только на себя. Но для того, чтобы они делали что-то полезное для нас, мы их стравливаем друг с другом, заставляем их бороться за наши голоса для того, чтобы в процессе этой борьбы они работали на нас, реализуя свои собственные интересы – получить, сохранить или увеличить свою власть. Все это презумирует, что политики – не самая хорошая часть общества. Монархия, диктатура основаны на том, что монарх – это человек, на котором почилла благодать божья, а диктатор – это тот, кто лучше всех знает, что надо делать. В демократии совсем по-другому, и с этим надо смириться. Выборы как институт вообще не есть способ смены плохих политиков на хороших. Так в природе не бывает. Это просто способ организации политической конкуренции, больше ничего.

Второе выступление подняло, на мой взгляд, очень важную тему. Это цена реформ. Я так понял выступавшего, что речь идет о реформах на нынешней стадии и о их цене. Если я правильно понял мысль и тревогу, она состоит в том, что сейчас либеральный прорыв обеспечивается за счет ограничения демократических ценностей. Это действительно колоссальная проблема. Дело в том, что эта тенденция опирается на определенные тенденции в общественном сознании. Мы больше 10 лет меряем глубинные процессы общественного сознания, и сейчас мы видим, что по сравнению с периодом десятилетней давности либеральные и демократические ценности расщепляются в общественном сознании. Есть носители либеральных ценностей, которые равнодушны к демократическим и готовы ими пожертвовать. Это проявляется и в политической элите. В СПС есть немало лидеров, которые считают, что нужно ввести диктатуру, чтобы обеспечить прорыв либеральным реформам. В чем здесь проблема? Проблема универсальная и подкреплённая историческим опытом. Выбор между слабой демократией и сильной диктатурой, как правило, заканчивается в пользу сильной, неограниченной диктатуры. Я имею в виду условия молодой, нестабильной демократии. Вот в чем проблема. И когда этот выбор совершается, то гибнет и демократия, и либеральная реформа. Поэтому то, что сейчас происходит (понятно, что Путин пытается реализо-

вать сценарий модернизации в условиях умеренной диктатуры) – это некое лезвие бритвы, с которого чрезвычайно легко свалиться.

В заключение хочу сказать всем вам огромное спасибо. Я получил настоящего эстетическое удовольствие от дискуссии здесь. Это было очень интересно, и, я надеюсь, это было для вас полезно. Спасибо.

Лысенко В.Н. – Уважаемые коллеги! Тот вопрос, который Георгий Сатаров сейчас рассматривал, наверное, самый важный – совместим ли либерализм в экономике с авторитаризмом в политике? Я бы, может быть, ответил на него исторически. Я как раз занимаюсь сейчас проблемами изучения дореволюционных и современных губернаторов. Для меня всегда белым пятном в нашей истории был Александр III. И чем больше я читаю литературы, тем я больше убеждаюсь, что ситуация повторяется фактически по тому же сценарию. Было два не очень удачных реформатора – Александр II и Борис Николаевич Ельцин, которые начали великие реформы, но не смогли их довести до ума. В результате население разочаровалось в реформах и захотело вернуться назад, к тому, что было раньше. Тогда приходят новый царь и новый президент, очень похожие. Во-первых, мессианская идея. Оба убеждены, что должны сделать Россию великой. Это есть у Путина сегодня. Он искренне верит, что то, что он делает, приведет Россию к процветанию. Во-вторых, они очень быстро стабилизировали ситуацию в стране. Первый покончил с терроризмом, второй это делает при помощи других методов. В-третьих, они оба государственники. Если у Александра III был даже шовинистический уклон, он очень жестко навел порядок в ряде этнических регионов, то Путин тоже, как мы видим, говорит об этом, в этом направлении движется. Но самое главное, что Александр III, введя многие элементы полицейского государства, ограничив средства массовой информации, в то же время начал важнейшие экономические реформы, которые потом ввели Россию в число пяти ведущих держав мира. Это был огромный, великий скачок. Как и при проведении индустриализации Сталиным, мы догнали по многим показателям ведущие страны, хотя в политическом устройстве ситуация сохранялась на уровне авторитарного режима. Чем все это кончилось, мы помним. Это кончилось двумя революциями, и все пошло совершенно не в том направлении, в котором планировал Александр. Что касается Путина, то очень сложно прогнозировать. Как говорил Георгий Сатаров, мы идем по лезвию бритвы, и опыт показывает, что идем скорее к диктатуре, чем к либерализму и демократии.

Еще один важный вопрос, который мы постоянно здесь затрагивали. Я думаю, что одним из главных препятствий в установлении авторитарного режима является в нашей стране федерализм, что регионы имеют сегодня

достаточно большую самостоятельность, что у нас есть местное самоуправление. Мне кажется, что, пока существует федеративное устройство государства, многие вещи, которые в унитарном государстве можно осуществить в течение одного дня, в России сейчас осуществить достаточно сложно. Вы знаете эпопею с законом о двух сроках. Администрация президента говорит: «Давайте дадим Шаймиеву переизбраться». Мы дали. Потом говорят: «Давайте Лужкову дадим, он тоже хороший человек». Мы и ему дали. Оказалось, что вместе с Лужковым надо давать переизбраться 70-ти. Дали Шаймиеву переизбраться, говорят: «Все, задачу решили, давайте опять только четверем вместе с Шаймиевым разрешим, а остальные пусть снова сидят два срока». Но как только губернаторы, которым уже разрешили, узнали об этом, то пошли к президенту и во время Госсовета убедили Владимира Владимировича, что без поддержки губернаторов реформы тут же провалятся. Он дал указание фракции «Федерация» в Думе и «Единству», что нужно не голосовать за этот закон. И хотя он прошел во втором чтении, но всего при 250 голосах. Очевидно, что Совет Федерации его проваливает, а мы не можем преодолеть вето. Это похоже на ситуацию с договорами в период Ельцина, когда он персонально выбирал тех, с кем подписывать или не подписывать договор, или элита сильно навязывала ему эти договоры. Сегодня Путин повторяет во многом эти ошибки, и у меня это вызывает серьезные опасения.

Еще хотелось бы сказать по поводу округов и федеральных представителей. Я вообще считаю и заявлял с самого начала, что это временный институт, связанный с переходным периодом. Он должен выполнить четыре функции: приведение в соответствие законодательства (эта функция решена); антикризисное управление в тех регионах, где местная власть не справляется с ситуацией, как, например, в Приморье; инновационная функция, заключающаяся в помощи проведения реформ, если местное руководство не может или не хочет; возрождение межрегиональных экономических связей, которые разрушились полностью за эти 10 лет, чтобы сами регионы могли, объединившись, сами реализовывать местные программы. Я считаю, что за 4 года эти функции вполне выполнимы, после чего этот институт должен быть отменен, к примеру, когда будет переизбираться Путин. В федеративных государствах такого института нет. Это, скорее, действительно институт генерал-губернаторов в Российской Империи.

Последнее. Мне задали вопрос, как закон о партиях скажется на Республиканской партии России. Мы также будем перерегистрироваться. У нас сейчас 5,5 тыс., будем добирать до 10 тыс. Но я выступал на координационном совете СПС и «Яблока» и сказал, что ситуация диаметрально

меняется. Если раньше мы могли себе позволить такую роскошь, что прошло «Яблоко», а «Выбор России» не прошел и т.д., то в условиях ужесточающегося режима нужна мощная единая демократическая партия. Избиратели подтверждают, что тогда существенно больше проголосовало бы за нас. Поэтому я официально заявлял, что мы готовы распустить Республиканскую партию, если будет принято решение о создании такой партии. Думаю, что это тоже было бы одним из главных противовесов авторитарным тенденциям в нашем обществе.

ЗАКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Мельников А.Н. – У меня есть одно замечание-заявление и несколько слов по поводу конференции. Я чувствую себя немного виноватым в том, что мы не смогли предоставить слово некоторым людям, которые хотели выступить. Но я хочу сказать, что те, кто имеет что сказать по поводу конференции, могут отдать в оргкомитет тезисы, которые также будут опубликованы.

Второе замечание по поводу конференции. Перефразируя слова великого Гегеля, можно сказать, что элита управляет представлениями, а представления управляют миром. Элита у нас еще не сформирована, малочисленна. В том, что здесь сегодня собралась интеллектуальная элита Алтайского края, я не сомневаюсь. Кто же еще мог собраться в воскресенье, в жарком июле, в 9 часов утра в этом зале, как не люди, которые склонны обдумывать себя, регион, Россию, судьбы русского народа и т.д.? Это те проблемы, которые традиционно обдумывает элита, которая берет на себя эту очень трудную задачу.

Элита у нас не сформирована, потому что в этом зале есть свободные стулья, зал свободно вместил в себя тех людей, которые умеют мыслить о себе и о тех вещах, о которых думает элита. Я хочу сказать, что интеллектуальная элита очень трудно принимает то, что ей навязывают сверху. Она склонна принимать то, что является внутренними потенциями или внутренними противоречиями той интеллектуальной игры, того обмысливания, обдумывания. А это и является тем процессом, который происходит на конференции, когда есть оппонирование, согласие, возражения. Поэтому нынешняя конференция – как раз один из стимулов, один из элементов великого дела создания гражданского общества, формирования элиты. Знаете, «формирование элиты» – это пустое слово, если не иметь в виду, как оно происходит. Два дня этих трудов, этого очень сложного дела, этого обдумывания, этих умных докладов, реплик, возражений, – из этого все и складывается. Надо еще очень долго в этом направлении работать, чтобы заполнились все стулья хотя бы в этом зале.

Я хотел бы, и возьму такую смелость, от лица участников конференции поблагодарить тех людей, которые ежегодно устраивают эти праздники мысли, эти события, которые инициируют создание элиты в Алтайском крае. То есть, я хотел бы поблагодарить тех, кто организовал эти конференции, сделал эти конференции ежегодными и обещает в каждом новом году делать их более интересными и разнообразными. Это организаторы нынешней конференции, и я хотел бы их назвать и предоставить

им слово. Это – Владимир Александрович Рыжков, Петер Шульце и Юрий Георгиевич Чернышов. Пожалуйста, уважаемые организаторы.

Рыжков В.А. – Огромное спасибо, Александр Николаевич. Действительно, всякий раз, когда мы готовим нашу очередную летнюю конференцию, когда мы думаем, какие темы вынести на обсуждение, когда мы размышляем, каких экспертов пригласить, когда мы намечаем канву дискуссии, мы каждый раз волнуемся и думаем, удастся или не удастся в этот раз интересная, яркая и запоминающаяся конференция. Теперь мы уже подводим итоги, и мне кажется, что эта конференция – одна из лучших за те многие годы, которые мы делаем эти форумы у нас на Алтае.

Многие из вас помнят, что, когда мы начинали первые конференции (первые две конференции были на озере Ая), мы делали их вместе с Московской школой политических исследований. Это тоже была школа, но несколько другая школа. Там в большей степени доминировали приезжие эксперты, а наша, алтайская часть была зажата, закомплексована, люди боялись, не хотели говорить, не понимали, зачем надо говорить, хотя им уже тогда было что сказать. Этот лед таял очень медленно, он таял все эти годы. Если сейчас сравнить то, с чего мы начинали тогда, и то, к чему мы пришли, – это огромное и очень позитивное различие. Посмотрите, в нашем зале, и уже не первый год, присутствуют промышленники, предприниматели, депутаты краевого и городского уровней, журналисты, профессора из барнаульских и бийских университетов. В разные годы у нас приезжают люди из Кемерово, Новокузнецка. Растет круг людей, растет широта интересов. Но самое важное – меняется атмосфера. Теперь, в этом году, я могу на опыте 3-4 лет с уверенностью сказать, что этот лед растаял окончательно, и сейчас это – настоящая, открытая, дружеская дискуссия, поиск, столкновение мнений. Совершенно замечательно, что стерлись различия между чиновниками администрации, профессорами, медиками, журналистами, экспертами. Мы все здесь абсолютно равны. Мы в равной степени ищем истину, в равной степени думаем о нашей большой и малой родине, в равной степени полемизируем друг с другом, выдвигаем аргументы и т.д.

Те цели, которые мы ставили, когда придумывали эти летние форумы, казались тогда быстро осуществимыми. Жизнь показывает, что, может быть, и не видно конца этому пути, и никто нам не гарантирует, что мы придем к финишу, и сегодня об этом много говорилось. Тем не менее, в крае есть или, по крайней мере, формируется современно мыслящая научная, политическая, экономическая элита. В крае формируется парламентаризм. Кстати, год назад мы обсуждали это на нашей конференции, и Сергей Валентинович Землюков делал замечательный доклад о том, как меня-

ется Крайсовет после выборов, как там появляется политическая жизнь. У нас есть замечательная пресса, и я рад видеть здесь Юрия Петровича Пургина, представителей телекомпаний, «Алтайской правды» и других наших замечательных изданий. У нас, на мой взгляд, более открытая атмосфера, чем во многих соседних регионах, они сегодня уже назывались. И не в последнюю очередь, как мне кажется, это произошло благодаря нашим ежегодным летним конференциям. Поэтому и эта конференция удалась.

Как показало обсуждение, мы взяли правильные темы – экономическая реформа, реформа власти, судьба политической и партийной систем, роль средств массовой информации в современной России. Как мне кажется, мы опять сделали очень точный выбор тем, и дискуссия показала, что все это было абсолютно удачно. Это дает нам надежду на будущее.

Подводя сегодня итоги, я, прежде всего, хотел бы поблагодарить организаторов нашего очередного форума. Прежде всего – Алтайскую школу политических исследований и лично Юрия Георгиевича Чернышова. На нем и на его коллегах лежала основная нагрузка по подготовке конференции во всех ее аспектах – интеллектуальном, организационном, методическом, методологическом и т.д. Все, что мы здесь видели, – этот комфорт, уют, эта замечательная атмосфера, эти выступления, дебаты, дискуссии, эти замечательные книги, которые выходят у нас по итогам, – это заслуга Алтайской школы политических исследований и Юрия Георгиевича. Давайте мы все его поблагодарим.

Кроме этого, я хотел бы поблагодарить и других организаторов нашей конференции – администрацию Алтайского края. В истории наших форумов был период, когда администрация не принимала участия в конференциях. Был период, когда у нас были даже некоторые недоразумения с администрацией. Но, к счастью, это позади. Я думаю, что администрация совершенно искренне поняла, как это важно, что Алтай становится центром таких форумов, и как это много дает краю, как это помогает краю в его нормальном развитии.

Я хотел бы поблагодарить Алтайский государственный университет, который неизменно оказывает поддержку Алтайской школе политических исследований и нашей конференции, алтайскому отделению Российской ассоциации политической науки, часть представителей которой, в том числе Александр Николаевич Мельников, вела наши заседания, – это алтайская политология, которая развивается, как мне кажется, в том числе в контексте наших летних конференций. Я хотел бы поблагодарить Конгресс интеллигенции Алтайского края. Я хотел бы поблагодарить Фонд поддержки гражданских инициатив.

Но особенно я хотел бы поблагодарить наших друзей из Фонда Фридриха Эберта и остановиться на этом подробнее. Я считаю счастливым стечением обстоятельств и счастливой встречей, что на нашей первой конференции на озере Ая в 1994 г., году чемпионата мира по футболу, телевизор там не работал, и Петер Шульце страшно нервничал, потому что были матчи с участием Германии, а он страшный болельщик, но, несмотря на это, он, как мне кажется, тогда влюбился в Алтай. И вот уже на протяжении многих лет каждый год мы вместе с Фондом Эберта и с его замечательными, потрясающими экспертами, в том числе г-ном Леше и г-ном Шпангером, которые у нас бывали, г-ном Ханкемом, который у нас впервые, но, надеюсь, не в последний раз, мы делаем нашу конференцию. Это особенно важно для Алтая, потому что вы прекрасно знаете, как важен немецкий фактор для нашего региона. Это дополнительный весомый аргумент в пользу нашего сотрудничества. Поэтому огромная благодарность Фонду Эберта за сотрудничество, за поддержку наших усилий.

Дорогие друзья! Я хочу поздравить всех нас с успехом нашей очередной конференции и пожелать нам с надеждой смотреть в будущий год. Спасибо.

Шульце П. – Я, в общем-то, не могу ничего добавить, потому что Владимир Рыжков сказал то, что хотел сказать я. Его слова шли от самого сердца. Мы с удовольствием приезжаем на Алтай. Не только из-за ландшафта, но и из-за того, что всегда восхищало моих немецких коллег и что, к сожалению, невозможно увидеть в средствах массовой информации, а именно – степени интеллектуальности, демократичности дискуссий и того широкого спектра тем, который рассматривается на конференции, именно тех тем, которые волнуют нас в Европе. Поэтому вы, участвуя в таких конференциях, являетесь лучшим свидетельством тому, что существует Россия и российское общество, которое, может быть, сейчас находится в поисках самого себя. Но кто же не занимается такими поисками? Вы являетесь свидетельством тому, что здесь существуют элементы развивающегося гражданского общества, и это общество развивается не только под давлением или действием сверху. Во все эти годы, в которые я имею возможность и счастье жить в России, я никогда не сомневался в том, что эта страна находится на пути создания политически устойчивого порядка. Может быть, есть определенные противоречия на этом пути, это понятно, но для этого и существует политический диалог. До тех пор, пока такой диалог осуществляется, – а в рамках таких мероприятий этот диалог подпитывается снизу, – я думаю, что мы можем оставаться достаточно спокойными. Если пользоваться образами Георгия Сатарова, мы можем быть уверенными в том, что не произойдет изменения градации у портного,

который нам что-то отрежет, а произойдет смещение гор, которые надо преодолеть, чтобы увидеть дальнейший путь.

В свое время, в середине 90-х гг., мы проводили совместное мероприятие с администрацией президента, где существовала заинтересованность в поиске, в определении того, насколько помогла система политического образования преодолеть авторитарные и фашиствующие тенденции в послевоенной Германии. Результат был достаточно однозначным – авторитарные и националистические тенденции существовали еще до конца 60-х гг. даже в широких кругах политической элиты, и политическое образование играло небольшую роль просветительской работы. Но самым главным, почему у нас укрепилась и укоренилась в обществе демократия, была не просветительская работа, а то, что эта демократия способствовала формированию такого экономического развития, которое серьезно относилось к пожеланиям и потребностям людей. То есть существовала комбинация успешной рыночной экономики и демократии. Эта связка была решающим элементом. Я надеюсь, что то экономическое развитие, свидетелями которого мы являемся в течение последних двух лет, приведет к устойчивому развитию как в экономической, так и в политической сфере, и когда мы вновь встретимся здесь в следующем году, мы, может быть, будем иметь более устойчивую основу и сможем подвести определенный итог. К этому моменту, я надеюсь, не будет никаких волнений, так же, как сегодня не существует какого-либо волнения. Кстати, в прошлом году существовало опасение того, что будет иметь место тенденция жесткой рецентрализации. В этом смысле я хотел бы сказать: до следующего раза!

Чернышов Ю.Г. – Дорогие друзья! Один мой знакомый журналист (опытный журналист) нашел свой критерий оценки конференций. Он сказал, что если во время дискуссии по спине начинают бегать мурашки, значит, удалось; если дискуссия не волнует, то все было напрасно. Мне кажется, мы достигли той стадии мозгового штурма, когда всем было интересно.

Если посмотреть на тему конференции, то самое сложное слово в ее названии – слово «альтернативы». Толковый словарь предлагает классическое определение: альтернативы – это взаимоисключающие возможности. Наша сегодняшняя дискуссия, как мне кажется, показала, что мы, к счастью, находимся на той стадии развития, когда ничто не предreshено. Мы еще не встали на какую-то одну дорогу, с которой не свернешь, и мы не встали на ту дорогу, которая ведет в тупик. Да, где-то мы «балансируем на лезвии бритвы», но пока еще у нас есть выбор, и все зависит от нас самих.

На частном примере нашей организации – Школы политических исследований – тоже видно, что в тяжелый час можно сдаться, можно спасовать перед трудностями, и тогда уж точно все будет плохо. Но если не сдаваться, если добиваться своей высокой цели, то можно изменить мир к лучшему. Организация столь масштабной конференции – это плод усилий десятков и даже сотен людей. Я сравниваю это с ручейком, который постепенно собирает в себя другие ручейки, а потом возникает большая река. Этот ручеек вполне мог засохнуть у своих истоков. Однако, к счастью, в Алтайском крае нашлось достаточно много просвещенных и неравнодушных людей, которые всегда нас поддерживали. Мы переломили трудности, и сегодняшняя конференция, может быть, даже не одна из лучших, а действительно лучшая. Не только потому, что все проходит в этом прекрасном зале, то есть чисто внешне, но и по составу экспертов. Такой блестящей команды у нас, наверно, еще не было. Раньше у нас были один, два, три известных эксперта, а сегодня целая плеяда.

Я присоединяюсь к тем словам благодарности, которые здесь уже прозвучали. Я хотел бы поблагодарить и Владимира Александровича Рыжкова, и наших зарубежных гостей, и наших московских коллег, которые приехали за тысячи километров для того, чтобы поспорить, подискутировать и между собой, и с нами, чтобы приблизиться к истине. Мы имели счастье общаться с ними, задавать им вопросы. Они были очень демократичны и говорили очень понятно о тех вещах, которые нас всех волнуют. Огромное им за это спасибо.

Конечно, я хотел бы поблагодарить тех, кто помогал нам освещать эту конференцию – журналистов. Невзирая на то, что воскресенье, невзирая на то, что лето, здесь трудилась бригада со второго канала телевидения, они снимали практически всю конференцию; итогом будет тематическая передача. Хотелось бы еще раз особо поблагодарить информационный центр «Амител», который сделал такую яркую рекламу конференции в Интернете.

Хотелось бы поблагодарить и коллектив этого бизнес-центра (здесь присутствует сотрудник центра Людмила Николаевна, которая очень душевно к нам отнеслась и помогла решить нам все проблемы). Мы надеемся, что наше сотрудничество продолжится и в дальнейшем, потому что здесь есть все возможности для проведения конференций.

Хотелось бы поблагодарить переводчиков – Руслана Евгеньевича Кокарева и Сергея Львовича Виноградова. Это – высочайший уровень, они обеспечивают практически синхронный перевод, и работать с таким переводом было очень удобно.